

Сколько мы знаем, постоянство в количестве воли присуще уравновешенным, совершенно здоровым в психическом отношении организмам. У психопатических же натур наиболее выражены колебания количества воли, и временами они проявляют кипучую деятельность, а затем долгое время пребывают в апатии.

Под качественной стороной воли мы подразумеваем обыкновенно ее содержание, т. е. ее мотивы, так как в зависимости от них деятельность воли принимает ту или другую форму.

Мотивы воли, конечно, всегда есть чувствования; «воля», по счастливому выражению Stuart Mill⁷⁵, «есть дочь чувствований, она ускользает из-под их власти только для того, чтобы подчиняться привычкам».

Человек делает то, что доставляет ему приятные чувствования, и делает то, что избавляет его от неприятных. Вот простое и точное определение смысла всей деятельности человека. Правда, что многие человеческие поступки действительно происходят по привычке, что некоторые поступки не могут быть поняты иначе, как обусловленные привычкой, унаследованной от предков. Но первый источник сознательной деятельности человека всегда есть предпочтение приятного неприятному, и нужно согласиться с Meunert⁷⁶, категорически отрицающим инстинкт. Весьма убедителен приводимый им пример: новорожденного, хотя бы его окружить кормилицами, не спасет инстинкт самосохранения, и он умрет с голода, но если приложить его к груди кормилицы, то приятное чувство удовлетворения голода заставит его сосать грудь.

Понимая, таким образом, всю деятельную сторону психической жизни человека, мы, тем не менее, можем классифицировать мотивы этой деятельности на три резко очерченные группы, как например, их принимает Dumont⁷⁷.

75 Utilitarisme. Chap. IV

76 Op. cit.

77 Dumont Theorie scientifique de la sensibilité, p. 250

Первая – это деятельность под влиянием мотивов непосредственного удовлетворения, или то, что Wundt называет die Wahrnehmungsmotive⁷⁸.

Под влиянием этих мотивов развивается наибольшее количество воли в данный промежуток времени, но промежуток этот обыкновенно весьма короток. Деятельность под влиянием отдельного мотива этого рода не может быть продолжительна и систематична.

При бездействии или при слабости мотивов других групп, что обыкновенно наблюдается в чистом виде у душевнобольных, мотивы непосредственного удовольствия и избежания непосредственного страдания завладевают всей волей человека, делаются для него обязательными, и, таким образом, является импульс. У хронических алкоголиков и, должно быть, у преступников эти мотивы имеют преобладающее значение, и потому проявления их воли однообразны, просты и часто непобедимы.

Люди, у которых развиты по преимуществу эти мотивы, не могут представлять между собой большого различия, потому что непосредственно приятное имеет для всех приблизительно одинаковое значение, и для всех людей непосредственное страдание вызывается одними и теми же причинами. Вот почему образование группы преступных людей, «характеристика преступного человека», принципиально возможно, и все попытки Tarde⁷⁹ опровергнуть общий принцип учения Lombroso, доказать, что с таким же правом мы можем создавать другие разновидности людей, по существу, несостоятельны: однообразны мотивы действия у преступников и душевнобольных. На эту особенность душевной организации преступников обратил серьезное внимание Despine⁸⁰.

По его мнению, преступников характеризует неблагоразумие (l'imprudence) и непредусмотрительность (l'imprévoyance) т.е., как

78 Ethik S. 437

79 La criminalité comparée

80 Op. cit. T. 3, liv 2, ch. I.

говорю я, мотивы непосредственного удовольствия у них преобладают. Они не могут обдумать вред от удовлетворения данного мотива, не могут предусмотреть, как много страданий предстоит им в будущем за наслаждения в настоящем.

При душевной болезни, само собой разумеется, мотивы этого порядка выступают на первый план; вместе с этим почти параллельно идет и ослабление воли вообще или уменьшение ее количества, и такое почти одновременное поражение воли в ее количественном и качественном отношениях затрудняет понимание наблюдаемых явлений. Только при некоторых патологических состояниях количество воли остается неуменьшенным, а мотивы проще и однообразнее, почему может казаться, что под влиянием болезни развилось усиление воли. Я еще раньше старался доказать, что душевная болезнь ничего, кроме разрушения, не приносит, а потому не могу допустить, чтобы появлялось действительное увеличение воли. Отсутствие, бездействие мотивов других групп, сосредоточение на одном мотиве может на короткое время быть причиной деятельности крайне напряженной; но, во-первых, напряжение это никогда не может быть продолжительно настолько, как у здорового человека, а во-вторых – мотивы этой деятельности всегда низшего порядка.

Вторая группа – это деятельность для достижения приятная в более или менее отдаленном будущем и для избежания предстоящих страданий.

Это – *Verstandesmotive* Wundt'a, или мотивы пользы утилитаристов. И здесь мотивы деятельности, конечно, есть предпочтение приятного неприятному; но основная разница этих мотивов от предыдущих та, что человек ясно представляет себе то удовольствие, которое может доставить ему ряд сложных и последовательных поступков. Очевидно, что эти мотивы и деятельность под влиянием их не могут иметь той интенсивности, как мотивы непосредственного удовольствия, потому что представление есть восприятие минус некоторая величина.

Очевидно, что одни и те же чувствования не могут быть мотивами, одинаково влияющими на поступки той и другой группы, по-

тому что, конечно, представление о сладком – мотив более слабый, чем восприятие сладкого, и так как человек руководствуется мотивами более сильными, то мотивы первой группы всегда побеждали бы. Но для того, чтобы быть сильными, мотивы второй группы должны иметь в основе своей чувствования высшего порядка – те чувствования, которые при повторении не слабеют, но усиливаются, те чувствования, которые захватывают широкий круг наших интересов, или, по крайней мере, обладают большею силою. Конечно, не нужно обладать большим благоразумием, чтобы переносить неприятные чувствования, доставляемые утомительною работою, в надежде избавить себя, благодаря этой работе, от страданий голодной смерти.

Деятельность, обусловленная мотивами второй группы, более сложного характера, является выражением почти всей личности человека. Раньше, чем решения приводятся в исполнение, они должны быть обдуманы, насколько к тому способно данное лицо, должны быть взвешены все «за» и «против». Понятно поэтому, что эти акты не имеют той импульсивности, порывистости, как акты, обусловленные мотивами первой группы, где сила, если нужно сравнение, пробегает по дуге меньшего радиуса. Между тем, как сила, развиваемая при мотивах второй группы, пробегает не только по дуге наибольшего радиуса, но по линии самой сложной и прихотливой фигуры. Другая особенность деятельности воли при мотивах второй группы та, что одно действие влечет за собой почти всегда ряд других, что деятельность бывает продолжительна и состоит из более или менее длинной цепи разнообразных поступков.

Люди различаются между собой не столько тем, в чем они понимают свою пользу, сколько тем, в каком отношении стоит у них количество деятельности от мотивов первой группы к количеству деятельности от мотивов второй. В последнем отношении между людьми существует бесконечное разнообразие, между тем, как целые группы, поколения людей довольно одинаково понимают свою пользу. Нет сомнения, что всякий купец стремится к обога-

щению, всякий чиновник – к повышению в должности, но как различна их деятельность, направленная к той же цели? В то время, как одни постоянно и неуклонно идут к намеченной цели, другие беспрестанно о ней забывают, отвлекаясь или непосредственными удовольствиями, или другими отдаленными целями.

Если человек идет последовательно к выбранной цели, мы говорим, что он обладает твердым характером; твердость же характера – это последовательность мышления. Но из этого отнюдь не следует, что воля есть функция умственной деятельности, ибо что же такое последовательность мышления? Для того, чтобы последовательно мыслить, нужно обладать вниманием, т. е. сильной волей, и, таким образом, воля, сперва проявившаяся во внутренней психической жизни, обнаруживается потом и во внешней деятельности; у кого же нет сильной воли, тот неспособен последовательно мыслить, а потому и не может быть твердым в своем поведении. Кто обладает сильной волей, тот может весьма долго направлять все свое внимание на один и тот же предмет, а потому с полной ясностью воссоздать пред своим умственным взором те радости, которые доставит ему предпринимаемая деятельность, те страдания, которых он избегнет, благодаря целому ряду сложных и разнообразных действий.

Понятно, что такое живое представление может быть достаточно сильным мотивом, чтобы победить мотивы восприятия. Поскольку человек обладает волей, а потому насколько живо и ясно он может представить себе грядущие радости и страдания, постольку мотивы второй группы имеют значение в его жизни. Задача воспитания – приучать человека сосредоточивать мысль человека на одном предмете, потому что большая часть всех наших бед происходит потому, что мы не умеем с достаточной ясностью представить себе зло, которое мы причиняем сами себе, отдаваясь мотивам восприятия.

Было бы ошибочно думать, что образование, обширные познания дают перевес мотивам второй группы. Не нужно много наблю-

дательности, чтобы убедиться в противном, да и не может быть иначе, потому что не знания, не умственная деятельность, а сила воли, богатство высшими чувствованиями делает мотивы второй группы более сильными, чем мотивы первой.

У душевнобольных мотивы второй группы ослабевают, и на первый план выступают мотивы непосредственного удовольствия. Если у них и остаются первые из них, то понимание собственной пользы резко отличает их от здоровых, и по данному поводу мы не можем говорить об изменении личности, а только о ее разрушении, потому что, во-первых, правильное широкое понимание собственной пользы заменено неправильным узким, т. е., говоря точнее, от правильного и широкого понимания осталось узкое и неправильное; во-вторых, мотивы пользы заменены мотивами непосредственного удовольствия, что также нельзя назвать заменой, так как мотивы пользы есть выражение вполне развитой личности; мотивы же непосредственного восприятия, по-видимому, свойственны всему животному миру. Один из наиболее рано проявляющихся признаков душевной болезни есть ослабление мотивов пользы и преобладание мотивов первой группы. Больной по преимуществу делает то, что ему приятно в данное время, или избавляет его от непосредственного страдания, и забывает об отдаленных целях и задачах.

Вообще легче всего узнавать степень совершенства психической организации человека по тому, насколько его деятельность поглощена мотивами второй группы.

Третья группа мотивов – мотивы долга. Я не могу останавливаться здесь на психологическом развитии этих мотивов, так как этот предмет потребовал бы много места и времени. Я ограничусь лишь указанием на то, что эти мотивы сами по себе не могут иметь той силы, как мотивы первых двух групп. Весьма понятно, что мотивы непосредственного удовольствия, мотивы ожидающих нас радостей сами по себе бесконечно сильнее чисто теоретических, идеальных мотивов долга; притом же понимание долга для мно-

гих не вполне доступно, или доступно лишь в некоторой степени, а между тем, самые громадные жертвы, самые сильные страдания, самые великие деяния совершены именно этими мотивами.

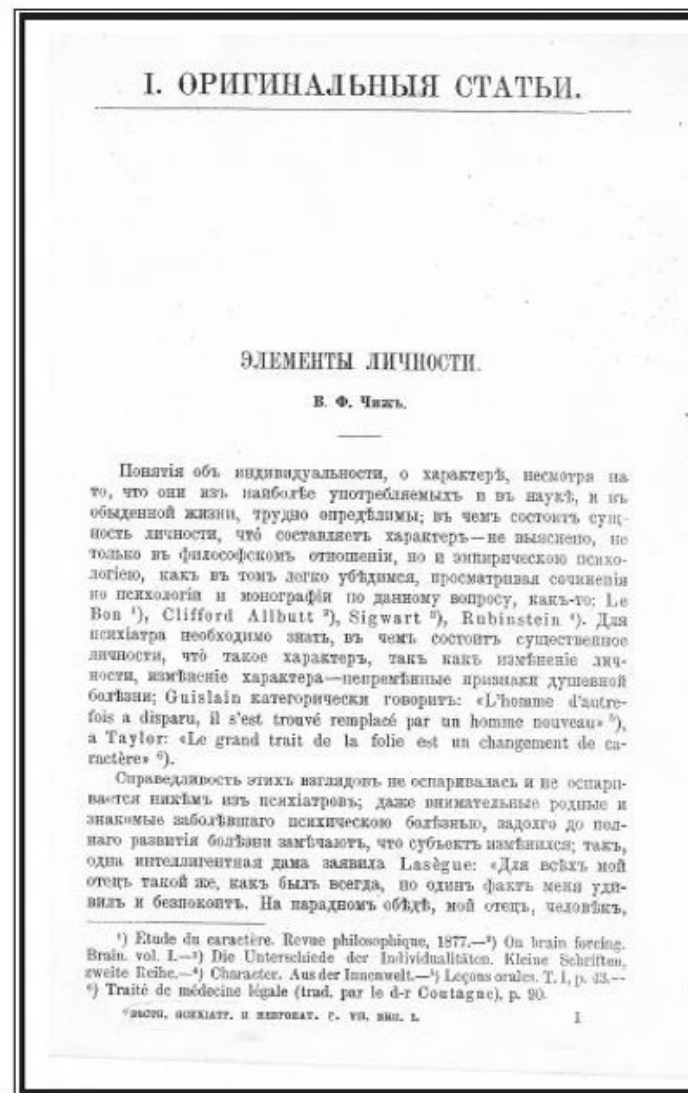
Каким образом могло быть приятно людям страдать во имя тех мотивов, которые Wundt называет Vernunftsmotive? Дело в том, что эти мотивы непонятным нам, чудным образом обязательны для нас. Они для нас имеют форму приказа, или, как говорит Кант, они для нас являются категорическим императивом. Мне, конечно, неизвестны теории, старающиеся доказать, что и мотивы долга такое же простое психологическое явление, как и остальные мотивы, что они развивались и менялись вместе с развитием человечества; но стоит, например, прочесть по этому поводу статью корифея этой школы Herbert Spencer⁸¹, чтобы понять, что менялось содержание этого категорического императива; но с самого начала истории человечества и до нашего времени то, что причиняет продолжительные радости нашим ближним, считалось хорошим, и все то, что причиняет им продолжительные страдания, считалось дурным и вызывало в совершающих такие поступки более или менее жгучие мучения совести, между тем как нарушение всяких других правил ничего подобного в душе человека не возбуждало. Всякий волен исполнять или не исполнять предписания своего врача, и за это он ничем не поплатится, кроме своего здоровья, но если кто-то нарушит правила общественной гигиены при понимании, что таким образом он нарушает интересы своих ближних, тот обязательно, непременно, будет испытывать чувство стыда, мучения совести, и раз он считает своим долгом не нарушать интересов своих ближних, ничто и никогда не спасет его от укоров совести. Вот почему мотивы долга для тех, кому они, конечно, доступны, должны быть, есть и будут сильнее мотивов пользы. Вот почему солдаты первой французской республики, руководимые мотивами долга, составляли армии во много раз лучше тех полчищ, которыми султан хотел

⁸¹ Revue philosophique, 1888.

выгнать Наполеона из Египта. Эти полчища были воодушевлены мотивом пользы, так как магометанская религия обещает убитым в битве с гяурами самое лучшее, что может представить магометанин на земле. Впрочем, я вовсе не имею целью доказывать верность приводимого здесь взгляда. Я хочу только установить, что я понимаю под мотивами долга.

Преобладание мотивов долга составляет достояние далеко не всех людей, составляет достояние сравнительно высокого развития человеческой природы; умирать во имя долга люди начали сравнительно недавно; первый умерший во имя долга был Сократ. В наше время у большинства людей мотивы долга играют подчиненную роль и вообще люди представляют собой бесконечные, разнообразные переходы по преобладанию тех или других мотивов. Больше развитие мотивов долга есть всегда выражение высшего развития психической организации, так как для того, чтобы эти мотивы ясно и правильно понимались, необходимо высокое развитие ума; для того, чтобы страдания и радости ближних были близки нашему сердцу, необходимы живые и хорошо развитые высшие чувствования; для того, чтобы мотивы непосредственного удовольствия и мотивы пользы не отвлекали деятельности от мотивов долга, нужна сильная воля, направленная во внутрь, т.е. внимание. Притом же мотивы долга немыслимы без большого количества воли, так как эти мотивы вызывают деятельность весьма напряженную, хотя и кратковременную, как во всех подвигах героизма, или же требуют весьма продолжительной напряженной однообразной деятельности для достижения отдаленного идеала. Для людей с живыми низшими чувствованиями, попеременно завладевающими всей их душой, с посредственными умственными способностями, которых только хватает на детальное рассмотрение окружающего мира, мотивы долга являются ненужной роскошью, для них довольно правил, усвоенных воспитанием и жизнью, и обратившихся в привычку, а потому и ставших обязательными; мотивы долга у таких лиц остаются на всю жизнь в зародышевом состоянии. Для людей же,

мысль которых стремится охватить сущность явлений, которым удовлетворение низших чувствований не наполняет жизни, у которых хорошо развитая воля ищет широкого поля для деятельности, для тех жизнь без мотивов долга, говоря словами нашего гениального поэта, – «пустая и глупая шутка».

Копия первой страницы оригинальной статьи В.Ф.Чижэ
«Элементы личности», 1889 год.